

Русский

ИНСТИТУТ
РУССКОГО
ЯЗЫКА
ИМЕНИ
А. С. ПУШКИНА

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
КОМИТЕТ СССР
ПО НАРОДНОМУ ОБРАЗОВАНИЮ

язык за рубежом

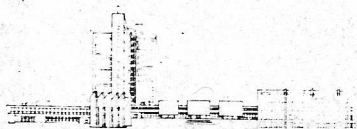
4

Выходит один раз
в два месяца
1988

Журнал
издается
с 1967
года

Адрес редакции:
117485, Москва,
ул. Волгина, д. 6

Телефон:
336-66-47

В комплект
журнала
включены
три
пластинки

2-R13

2490 / 5

Изучение и функционирование русского языка в мире

Профессор
Сараевского
университета
докт. филол. наук

Б. Тошович

Язык перестройки и его отражение в югославских средствах массовой информации

Тема статьи включает следующие вопросы: 1 — существует ли вообще язык перестройки и, если существует, что это такое; 2 — насколько язык перестройки является новым и значительным периодом развития современного русского языка; 3 — как отражается и используется язык перестройки в средствах массовой информации Югославии.

На первый вопрос — можно ли говорить о языке перестройки — я бы ответил утвердительно с единственным ограничением: язык перестройки не является каким-то особым русским языком в лексическом, грамматическом и т. п. отношении. Язык перестройки — это прежде всего актуализация существующих языковых средств, их переориентация и переосмысление, это несколько иная парадигматическая модификация и синтагматическая конфигурация, это количественная интенсификация языковых единиц, существенных для данного общественного момента, это, наконец, сдвиги в закономерностях вероятности и лингвистического прогнозирования. Язык перестройки в своей значительной части является новым стилем выражения, который характеризуется большей свободой выбора слов, отказом от языковых табу и эвфемизмов, стремлением преодолеть невыразительность и сухость изложения, „разбить” укоренившиеся клише и стереотипы, больше разнообразить устную и письменную речь и т. д. Эта общая констатация относится к языку в целом. Но если мы ограничим язык перестройки лишь публичной речью, точнее политической, оставив в стороне все остальные виды функционально-стилевого расслоения языка, мы должны сказать следующее: язык перестройки не может избежать всех тех негативных особенностей, которые сопровождают политическую речь любого языка мира. Здесь мы имеем в виду негативную избыточность, лексическую ограниченность, сознательную недоговоренность, наличие подтекста (что требует от читателя так называемого чтения между строк, расшифровки подтекста, а не контекста), подачу информации в форме полуинформации или даже дезинформации и т. п. Таким образом, этому языку с необходимостью будут свойственны отрицательные явления. Поэтому мне представляются слишком оптимистичными наблюдения В. Г. Костомарова, опубликованные в его статье „Перестройка и русский язык”¹. В целом В. Г. Костомаров прав, говоря о положительных явлениях, которые вызвала перестройка в области языка, однако для меня в данный момент существен также и другой вопрос: насколько языковой перестройке хватит свежести, сколько может продолжаться „весна” советской политической речи и не пре-

* ¹ См. журнал «Русская речь», 1987, № 6.

вернется ли она по прошествии известного времени, утратив дух и силу, в какую-то новую посредственность, заостеневшую языковую ткань, которую через некоторое время должна будет ломать новая перестройка. В сущности, если в советской языковой перестройке возникнут метастазы, причины надо будет искать во внешнелингвистических факторах: языковая перестройка фактически зависит от общественной.

В целом язык перестройки в настоящий момент обнаруживает две весьма значительные тенденции, а именно — два функциональных вида экспансии: внутренний и внешний. Во внутреннем плане эта экспансия ярко проявляется в проникновении элементов языка перестройки во все функциональные стили и подстили русского языка. Такие слова, как *перестройка*, *гласность*, *глубокие перемены*, *кардинальные преобразования и изменения*, *обновление общества*, *застойные явления*, *механизм торможения* и др., все чаще встречаются в радио- и телепрограммах, газетах и журналах, научных исследованиях, административных документах, художественных произведениях и повседневном общении. Некоторые из них повторяются столько раз, что теряют изначальную свежесть и информативную ценность, начинают десемантизироваться и выглядят как стертые монеты после долгого употребления. Многие из них могут уже быть охарактеризованы как дежурные слова, что в известной мере является неизбежным при таком способе выражения.

Что касается внешнего распространения, т. е. внешней экспансии, нужно сказать, что по широте и глубине охвата она может сравниться только с двумя фазами советского периода развития русского языка: одна из них — это время Октябрьской революции, а другая — начало космической эры. Если эта тенденция будет развиваться, перестройка, вероятно, станет значительным периодом в новейшей истории русского языка. Она уже сейчас актуализировала и усилила роль и значение русского языка в мире. И как, например, Октябрь и освоение космоса дали целый ряд неологизмов, которые, независимо от реакции на них, вошли почти во все существующие языки, так и перестройка породила большое количество понятий, которые утвердились повсеместно. В сущности, речь идет о спонтанном проникновении адаптированных или неадаптированных русских слов в языки мира. Этот процесс развивается в рамках, образно говоря, непрерывного международного обмена языковыми ценностями, в котором в наибольшей степени участвует английский язык. Усиление интереса в мире, особенно в некоторых странах, к русскому языку и все более широкое заимствование русских слов и выражений в их изначальной форме (из-за

невозможности соблюсти принцип адекватности) служит еще одним доказательством того вывода, что общественно-политические изменения в стране вызывают усиление или ослабление позиций ее языка в мире, особенно если речь идет о так называемых „великих” языках. В данном случае это значит, что распространение русского языка в мире тесно связано с завоеваниями или отсутствием престижа советской внешней и внутренней политики на международной арене. Пример перестройки, как представляется, это хорошо иллюстрирует.

В языке перестройки существуют лексические и фразеологические доминанты, которые составляют опору того, что сегодня называется „новым мышлением”. Если мы принимаем в качестве верного положение о том, что каждый новый способ мышления требует нового способа выражения, тогда на первый план в анализе языка перестройки выдвигаются его гносеологические, теоретико-информационные, семиотические, психолингвистические и социолингвистические корни.

Чтобы говорить о языке перестройки, необходимо объяснить, что означает этот термин. В существующих словарях русского языка мы не можем найти удовлетворительного ответа, поскольку они составлены в то время, когда перестройка еще не начиналась. Напрасно также обращаться к энциклопедиям, энциклопедическим справочникам и другим подобным изданиям. Поэтому нам остается искать ответ у самих творцов перестройки, прежде всего у М. С. Горбачева. В своей книге „Перестройка и новое мышление для нашей страны и всего мира” (Москва, 1987) М. С. Горбачев в нескольких местах объясняет, что такое перестройка. На странице 29 он пишет: „Это, пожалуй, крупнейшая и самая радикальная программа преобразований в экономической системе нашей страны после введения Лениным новой экономической политики в 1921 году”. На следующей странице дано самое подробное и наиболее полное до настоящего времени определение перестройки. Оно гласит:

„Перестройка — это решительное преодоление застойных процессов и слом механизма торможения, создание надежного и эффективного механизма ускорения социально-экономического развития общества, придание ему большего динамизма.

Перестройка — это опора на живое творчество масс. Это всестороннее развитие демократии, социалистического самоуправления, поощрение инициативы, самостоятельности, укрепление дисциплины и порядка, расширение гласности, критики и самокритики во всех сферах жизни общества. Это высоко поднятое уважение к ценности и достоинству личности.

Перестройка — это всесторонняя интенсификация советской экономики, восстановление и развитие в управлении народным хозяйством принципов демократического централизма, повсеместное внедрение экономических методов управления, отказ от командования и администрирования, всемерное поощрение новаторства и социалистической предприимчивости.

Перестройка — это решительный поворот к науке, умение поставить любое начинание на солидную научную основу. Это соединение достижений научно-технической революции с плановой экономикой.

Перестройка — это приоритетное развитие социальной сферы, направленное на все более полное удовлетворение потребностей советских людей в хороших условиях труда, быта, отдыха, образования и медицинского обслуживания. Это постоянная забота о духовном богатстве, культуре каждого человека и общества в целом.

Перестройка — это энергичное изживание общества от искажений социалистической морали, последовательное проведение в жизнь принципов социальной справедливости. Это единство слова и дела, прав и обязанностей. Это возвышение честного, высококачественного труда, преодоление уравнилельных тенденций в его оплате, потребительства" (с. 30).

Следующие далее определения можно рассматривать как поиск более концентрированной дефиниции перестройки. На странице 46 читаем: „Перестройка — многозначное, чрезвычайно емкое слово. Но если из многих его возможных синонимов выбрать ключевой, ближе всего выражающий саму его суть, то можно сказать так: перестройка — это революция". На странице 71 дано объяснение и этого определения: „Перестройка — это революция, причем самая мирная и демократическая".

Как видим, речь идет о слове, несущем большую семантическую нагрузку, имеющем глубокую понятийную многослойность и исключительную частоту употребления. Действительно, это сейчас центральное, доминирующее русское слово. Трудность в том, что оно и в русском языке не может быть адекватно заменено ни одним существующим синонимом.

Совсем не случайно то, что при переводе на иностранные языки слово *перестройка* не находило точного эквивалента, и поэтому эта лексема начала распространяться по всему свету, ведя за собой и другие лексические единицы. Образно говоря, слово *перестройка* стало локомотивом целого поезда русских слов и выражений, которые отправились в путь по языкам мира, оставляя заметный и узнаваемый след.

Язык советской перестройки вызвал два параллельных процесса в югославских средствах

массовой информации: один шел в направлении заимствования русских слов в их первоначальной форме, другой — в направлении перевода этих слов. Первый количественно был выражен гораздо менее.

В первоначальной форме мы чаще всего находим лексемы *перестройка*, *гласност*, *хозрашчот* и др. Они употребляются тремя способами: (1) без кавычек, (2) в кавычках, (3) с объяснением в скобках, например: „*продналог*" (*порез у натури*).

В этих процессах заимствования и адекватной передачи русских слов в югославских средствах массовой информации больше всего возникает проблем, связанных с центральным понятием нынешних изменений в СССР — перестройкой.

В самом начале советских реформ общая картина передачи этого понятия в югославской прессе напоминала хаос — с переводом слова *перестройка* каждый справлялся, как мог. Затем начали выделяться две позиции: стремление найти адекватное выражение на родном языке и заимствование слова *перестройка* без какого-либо перевода.

Первый подход дал целый ряд разнообразных результатов — в прессе на сербохорватском языке мы нашли до настоящего времени 14 вариантов: *перестројавање*, *преображај*, *преуређење*, *преоријентација*, *преусмјеравање*, *преустройство*, *обнова*, *промјене*, *мијењање*, *реформа*, *реформација*, *реформистички покрет*, *реорганизација*, *реконструкција*. Из них чаще всего встречаются *перестројавање*, *обнова*, *реформа* и *промјене*. Однако ни одно из этих слов не имеет ни такой семантической нагрузки, ни такого смыслового охвата и многофункциональности, какими обладает русское слово *перестройка*. Недостатком многих из сербохорватских эквивалентов является то, что в самом русском языке существуют слова, которые соответствуют им по значению: *переориентировка*, *переустройство*, *преобразование*, *преображение*, *обновление*, *перемены*, *реформа*, *реорганизация*, *реконструкция* и т. д. Эти слова иногда употребляются наряду с лексемой *перестройка* (конечно, когда нужно передать смысловые оттенки), но это еще более усиливает неадекватность употребления соответствующих слов на сербохорватском языке в качестве синонима слова *перестройка*. Фактически ни один из приведенных вариантов полностью не подходит. Поэтому журналисты, в частности югославские корреспонденты в СССР, начали постепенно отказываться от всех этих слов и склоняться к употреблению слова *перестройка* (однако, поскольку речь идет об иностранном слове, прибегали и продолжают прибегать к употреблению кавычек). Такая тенденция, а также

тот факт, что лексема *перестройка* проникла почти во все языки мира и органично влилась в их лексические составы, может служить основанием для предположения о том, что это русское слово и у нас постепенно вытеснит остальные варианты. Это в действительности не означает, что все другие слова исчезнут — напротив, если не все они, то по крайней мере часть из них будет в соответствующих случаях выступать как синонимы, как возможные варианты в определенном значении или как средство создания стилового разнообразия. В сербохорватском языке уже сейчас употребляется и будет употребляться целый ряд синонимов, так или иначе передающих значение слова *перестройка*. Приведем один пример: слово *реформа* успешно может быть использовано при переводе словосочетания *перестройка высшего образования* — *реформа високог образовања*. Это все практически означает, что одновременно с заимствованием слова *перестройка* не должен идти процесс полного или частичного устранения всех или некоторых упомянутых слов — возможно их сосуществование в языке.

В югославской прессе иногда стремятся подчеркнуть новизну и значение перестройки для развития СССР тем, что создают (или заимствуют) образные выражения или парафразы типа: „*нова револуција*“, „*друга револуција у СССР-у*“, „*трећа руска револуција*“, „*Горбачовљева револуција*“, „*револуција без метка*“, „*револуционарна обнова*“, „*позитивна еволуција*“, „*обнова социјализма*“, „*нова епоха*“, „*Горбачовљеве реформе*“ и т. п. О перестройке иногда говорится, что это „*лењински социјализам*“, *повратак Лењину*, *дестаљинизација совјетског друштва* и др. Некоторые выражения особенно ярко характеризуют перестройку.

Слово *перестройка* породило в югославской прессе широкую сеть различных устойчивых словосочетаний. Чаще всего встречаются сочетания „*существительное + слово перестройка*“, например: политика, процес, циљ(еви), услов(и), задатак — задаци, принципи, успјех — успјеси, неуспјех — неуспјеси, проблем(и), изгледи, резултати, токови, поставке, перспективе, ефекти, благодети, подстицај(и), препреке, развој, идеја, кретање, спровођење, остваривање, убрзање, угрожавање, приближавање, обличе, дио, етапа, компонента, „резерва“, судбина, концепција, заштита, објава, револуционарност, будућност, част, неопходност, логика, стање, симбол, рјечник, орган, вид, ера, поборник, присталица, творац, заговорник, ентузијаста, противник, непријатељ, (главни) економиста... *перестройке*. Некоторые из этих словосочетаний носят стилевую окраску:

мотор, перјаница, фронтмен, дуги марш... *перестройке*. По употребимости на втором месте находятся предикативные сочетания типа: *перестройка* даје резултате, прелази пут, угрожава виталне интересе, изискује енергију, постаје императив, штетно утиче, дјелује, проистиче, наставља се, остварује се, шири се, је почела, је тек на почетку, је тек у почетној фази, је последица развоја СССР-а, је неопходна, је представљала прави психолошки шок, је потресла министарства, је уздрмала низ представа, није једино могући наставак Октобра, није пуки емпиријски подухват, неће успети, неће пропасти, не треба, сусреће се са тешкоћама... И здесь есть яркие примеры, как *перестройка* је револуција. Немалое количество синтаксических конструкций составляют сочетания „*глагол + слово перестройка* (в соответствующем падеже)“: а) бојати се... *перестройке*, б) посветити, помоћи, прићи... *перестройци*, в) остваривати, поздравлати, покренути, подржати, прихватити, спровести, онемогућити, дискредитовати, нисоти... *перестройку*. В сочетании с глаголами употребляются и предлоги: а) изаћи... из *перестройке*, спасити... од... *перестройке*, демонструвати, бунити се... против *перестройке*, б) важити, рећи... за *перестройку*, укључити се... у *перестройку*, в) наставити, истрајати, догодити се, конфронтирати се... са *перестройком*, говорити причати, објавити... о *перестройци*, видјети... у *перестройци* и т. д. Существует немало сочетаний „*существительное + предлог + слово перестройка*“: а) рат... против *перестройке*, б) борба, борац, позив, пораз... за *перестройку*, реаговање... на *перестройку*, в) везе са *перестройком*, могућности... под *перестройком*, г) књига, дијалог, предавање... о *перестройци*. Менее употребимы синтагмы „*прилагательное + слово перестройка*“: совјетска, бугарска, польска, садашња, стварна, гласовита, револуционарна, „морална“, фамозна... *перестройка*.

Кроме того, в югославской прессе можно отметить еще некоторые характерные черты. Слово *перестройка* все еще встречается в языке корреспондентов не только из Советского Союза, но и из других стран. В их заметках можно прочесть: *перестройка* у Чехословацкој; *перестройка* на чехословачки, бугарски... начин; *перестройка* у СЕВ-у и т. д. Это слово часто фигурирует в заголовках, например: *Перестройка* у првом лицу, У знаку *перестройке*, *Перестройка* совјетског филма, Ко се боји *перестройке*, *Перестройка* рок. Начинают появляться новообразования от слова *перестройка*, например *преперестройка* (в словосочетании „*спасите част перестройке и преперестройке*“). Можно встретить хронологический ряд языковых обозначений, которые употребля-

и советские руководители для характеристики периода развития социалистического общества.

Нужно также отметить, что русский глагол *перестроить/ся* — *перестраивать/ся* переводится в прессе глаголом *престројити/се* — *престројава-ти се*: како *престројити* идеологију, „*престроја-ти се у ходу*” и т. д.

Другое слово из первой группы — слово *гласност* встречается менее часто и образует меньше словосочетаний. Набор сочетаний с этим словом выглядит таким образом: а) *постојећа, историјска, Горбачовљева, све већа... гласност*, б) *политика, програм, развој, утицај, постојање, ширење, правичност, услови, принципи, перјаница, вјетар... гласности*, в) *развој, демократија... без гласности, елементи... против гласности; акценат... на гласност, хвалоспјев, размишљања... о гласности*, г) *супротстављати се... гласности; злоупотребљавати, поздравити... гласност*, д) *водити, претјерати... у гласности; причати... о гласности*, е) *гласност предњачи, личи на тегљач-реморкер, је идеологија реформи, је дио перестројке... ж) гласност као реморкер, средство борбе... з) гласност која заглушује...* Это слово почти всегда берется в кавычки. В сербохорватском языке ему в некоторой степени соответствует выражение *јавност рада* или слово *информисаност*, но в прессе их избегают.

Только два слова языка перестройки — *перестројка* и *гласност* — без изменений заимствованы нашими средствами массовой информации. Все остальные (такие, как *хозрасчет*, которое обычно переводится как *привредни рачун*) появляются или случайно, или в результате неспособности журналистов (а иногда незаинтересованности) найти соответствующее выражение в родном языке.

Вторая группа слов языка перестройки представлена в югославской прессе с помощью перевода. Наиболее распространенными и характерными являются (приводим только русские слова): *новое мышление, демократизация, ускорение, застой, „белые пятна”, механизмы торможения, силы инерции, уравниловка, сопротивление, экономическая стагнация, совместные предприятия, время поисков, материальная заинтересованность, отказ от стереотипов, свобода творчества, критика, самокритика, политика открытости* и т. д. Все эти и подобные слова достаточно успешно переводятся на сербохорватский язык, однако в некоторых случаях возникают затруднения. Это, прежде всего, относится к синтагме *новое мышление*, для которой существует несколько вариантов: *ново мишљење* (что некоторые считают не в духе сербохорватского языка), *нови начин мишљења, нови начин*

размишљања и ново промишљање. Пока югославская пресса не склоняется к употреблению ни одного из этих выражений, они продолжают существовать одновременно, с определенными различиями в частоте употребления. Слово *ускорение* переводится как *убрзање, интензивирање и интензификација*. Мы бы выбрали последнее слово. Выражение „*белые пятна*” имеет два варианта перевода: „*бијеле мрље*” и „*бијеле празнине*”, первый при этом преобладает.

Вопросы, которые были затронуты в настоящей статье, требуют дальнейшего анализа. В результате такого исследования может быть создана цельная картина языка перестройки и его отражения в различных языках мира, в том числе и в сербохорватском.